

В прошлом году вышла в свет документальная повесть В. Лукина «Подполье возглавил Васькин». В ней рассказывается о деятельности подпольщиков и партизан в годы Великой Отечественной войны в южных районах нашей области. После выхода в свет книги автор выезжал в Вологовский и Поддорский районы, где встречался с читателями и очевидцами описываемых в повести событий.

В настоящее время В. Лукин получил около двухсот отзывов на книгу. Многие бывшие партизаны и родственники погибших подпольщиков прислали ему свои воспоминания, документы и фотографии, рассказывающие о героической деятельности подпольщиков в те трудные годы.

Сегодня мы начинаем публиковать некоторые новые главы из повести В. Лукина, которую он готовит к переизданию.

Райцентр Волот. Неказистые улочки с одноэтажными домиками. На южной его окраине железнодорожная станция, на северной — течет небольшая речушка Псижа. По шоссе на восток в сторону Старой Руссы толпами движутся беженцы, навстречу им — красноармейцы на машинах и в пешем строю.

Райком партии. Идет заседание бюро.

— Да!.. Здравствуй, где ты? В райвоенкомате? — говорит в телефонную трубку первый секретарь райкома партии Анисимов. — Хорошо. Буду! — И, посмотрев на часы, добавляет. — Минут через тридцать-сорок.

Он кладет трубку и, обращаясь к своему помощнику, спрашивает:

— Кто у нас следующий?

— Председатель колхоза «Красный путь» Арсентьев.

— Михаил Семенович, — спрашивает вошедшего Анисимов, — как идут дела в колхозе?

— Дойное стадо уже погнало на восток. Сено продолжаем заготавливать. Готовимся к уборке урожая.

— Кому доверили стадо?

— Моему заместителю по животноводству, коммунисту Панфилову.

— А вдруг фашисты придут в район. Как вы думаете лично поступить?

— Мое место на фронте. Готов хоть сейчас...

— А если мы вам предложим партизанить?

— Можно и партизанить.

— Договоримся так. Вы сейчас возвращаетесь в колхоз и продолжаете работать. Вещмешок же, на всякий случай, со всем необходимым приготовьте. Когда потребуется, мы придем за вами связного.

Обращаясь к помощнику, Анисимов спросил:

— Кажется, все?

— Нет, просят принять по личным вопросам. Уполномоченный «Лензаготторга» Мановский и учительница Ефремова.

В кабинет вошел Мановский, мужчина лет 60-ти, высокий, тучный.

Обращаясь к вошедшему, Анисимов спрашивает:

— Что вы хотите, Петр Иванович?

— Прошу зачислить меня в партизанский отряд или дать иное поручение на случай прихода гитлеровцев в район.

— Помолчав, добавил: — В гражданскую мне приходилось партизанить, думаю, и сейчас пригожусь...

Секретарь внимательно посмотрел на Мановского, словно взвешивая все за и против, с сочувствием ответил:

— Возраст у вас, Петр Иванович, уж очень солидный, да и здоровье неважное. Тяготы партизанской жизни уже будут не по плечу. Но мы понимаем вас и учтем вашу просьбу.

В кабинет вошла учительница Татьяна Ефремова, лет двадцати, ладная, красивая. Обращаясь к Анисимову, волнуясь, заговорила:

— Я комсомолка, живу у родителей в Должино, работала учительницей в Порховском районе. Сейчас там фашисты. Прошу райком рекомендовать меня на фронт медсестрой. Курсы я окончила.

— В райвоенкомате были? — спросил Анисимов.

— Да. Там сказали, что не могут взять, нет указаний...

— А что скажет комсомольский секретарь? — спросил Анисимов у сидевшего за столом интеллигентного вида парня.

— Мы хорошо знаем комсомолку Ефремову. Она надежный, дисциплинированный товарищ. Райком комсомола готов поддержать ее просьбу.

— А партизанить вы бы пошли? — спросил Анисимов у девушки.

— Да, — без колебаний ответила та.

— Раз секретарь райкома комсомола рекомендует, мы тоже вас поддержим. А пока идите в райвоенкомат. Я тоже туда скоро приду. Посоветуемся с военкомом.

Лицом к площади стоит широкий деревянный одноэтажный дом райвоенкомата. Возле здания толнятся люди. Кого призывают в армию, кто просится на фронт добровольцем. Много провожающих. Женщины плачут, прижимая ребятешек к себе. Где-то звучит гармонь.

К райвоенкомату через толпу пробивается Анисимов, встретив на пути Татьяну Ефремову, говорит:

— Подождите пока здесь.

В кабинете Анисимова встретил Васькин. Поздоровались за руку как старые знакомые.

— Ну как, с районом познакомился? — спросил Анисимов.

— Да. И на работу устроился, как договорились. Живу в Славитино.

— Как по-твоему, центр подполья в Волоте создадим?

— Я против.

— Почему?

— Слишком мал поселок. Фашисты, если придут сюда, непременно в нем расположат свои гарнизоны, комендатуру, полицию, склады и все другое. Рядом лесов почти нет. Держать с вами связь будет очень трудно.

— А что ты предлагаешь?

— Я бы сместил центр организации в южную часть района — в Славитино или Должино. Это крупные села. Кругом лес. Да и люди надежные есть. А главное, партизанский отряд был бы рядом.

— Пожалуй, ты прав, — согласился Анисимов.

— В Волоте же мы бы оставили своих людей, — продолжал Васькин. — С Павловым я разговаривал, думаю, подходящая кандидатура. Кого еще можешь порекомендовать?

— Да, вот только что просился в партизанский отряд уполномоченный «Лензаготторга» Мановский — партизан гражданской войны. Кстати, он из Поддорского района. Ты с ним не знаком?

— Нет. И ничего о нем не слышал. Верно, когда здесь оформлялся на работу в сельпо, в кабинете председателя был я Мановский. Он интересовался моими документами. Даже посочувствовал моему «падению» с бухгалтера до счетовода. Но мне он не понравился: какой-то обтекаемый.

(Продолжение следует).

В. ЛУКИН ПОДПОЛЬЩИКИ

ОТРЫВКИ ИЗ ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ПОВЕСТИ

(Продолжение. Начало в № 98).

В это время дверь с шумом распахнулась, и в комнату ворвался молодой человек лет двадцати пяти, среднего роста, широкоплечий.

Увидев Анисимова, он горячо и быстро заговорил:

— Что же это делается, товарищ секретарь? Здорового парня в армию не берут... Ждите, говорят...

— Немков, — спокойно сказал Анисимов, — тебе же разъяснили: придет время, и ты будешь в армии.

Оставшись вдвоем, Васькин спросил у Анисимова:

— Что нового на фронте?

— Под Сольцами наши войска перешли в контрнаступление, уже отбросили фашистов километров на 40, а вот из-под Дно и Дедовичей поступают тревожные вести...

Неудачно для противника закончилась попытка прорваться к Новгороду. 14 июля 56-й моторизованный корпус, наступавший на этом направлении, вошел передовыми частями в район западнее Шимска. Оборонявшиеся здесь войска 11-й армии нанесли двусторонний контрудар из районов Уторгош и Дно на Ситню (25 километров севернее Дно) — Сольцы. Наступление армии было поддержано нашей авиацией, наносившей удары по танковым колоннам и скоплениям вражеских войск на дорогах. Успешное продвижение врага сменилось паническим бегством. За четыре дня 11-я армия отбросила противника на 40 километров к западу. 8-я немецкая танковая дивизия была отрезана от основных сил корпуса. С большими потерями ей удалось прорваться в западном направлении, но она на целый месяц утратила боеспособность. Серьезному разгрому подверглись тылы 56-го корпуса. В результате контрудара 11-й армии в районе города Сольцы угроза прорыва немецко-фашистских войск к Новгороду была временно устранена.

— Что тебе еще не ясно? — спросил Анисимов.

— Вот мы планируем оставить для руководства Берехновской и Должинской группами коммунистов Тихова — председателя сельсовета и Иванова — заведующего начальной школой. А как от них мы отведем возможное подозрение оккупантов?

— А может их «исключить» из партии, ну хотя бы за «пораженческие» настроения? Они, как подпольщики, все равно будут сдавать вам свои партийные билеты. А слух распустить, что выгнали с треском.

— Это, пожалуй, можно. Кстати, Иванов здесь, около военкомата, я сейчас тебя с ним познакомлю.

Анисимов вышел из комнаты, вскоре вернулся с мужчиной лет тридцати семи, среднего роста, одетого просто, но не по-крестьянски.

— Знакомьтесь, — представил вошедшего Васькину Анисимов.

Павел Афанасьевич внимательно посмотрел на вошедшего, на его лице появилась довольная улыбка, здороваясь за руку с Ивановым, проговорил:

— А мы уже, оказывается, знакомы. Несколько лет назад встречались на курсах учителей. Как, Александр Иванович, не забыли?

— Что вы, Павел Афанасьевич, разве то время забудешь.

Александр Иванович Иванов после окончания Старорусского педагогического училища вернулся в родные места, работал учителем, заведующим начальной школой в Больших Гривах, жил с женой и трехлетним сыном.

— Вот и отлично, что вы уже знакомы, — воскликнул Анисимов и спросил у Иванова. — Вы как руководитель подпольной группы, кого намечаете вовлечь в ее работу?

— Я живу в Больших Гривах, здесь у меня есть надежные люди. Это колхозники Руфкин Иван и Иванов Игнат. В Должино же думаю привлечь учительницу Васильеву Нину Павловну и заведующую почтовым агентством Немкову Анну. Все они беспартийные, но надежные советские люди.

— Со мной в сельпо работает бухгалтером Василий Еремеев из Должино, — заговорил Васькин. — Как по-вашему, выйдет из него подпольщик?

— Да. Но у меня с ним нет близких отношений, трудно будет вести разговор.

— Это мы возьмем на себя, — вмешался Анисимов. — Кроме Еремеева есть еще одна кандидатура по Должино — Татьяна Ефремова. Она настойчиво просит направить ее или на фронт или в партизанский отряд. Что о ней скажете?

— Девушка эта мне хорошо знакома. Боевая, инициативная, решительная. Могу рекомендовать ее лишь с положительной стороны.

— Хорошо. Выйдите на некоторое время, а мы с Павлом Афанасьевичем сейчас с ней побеседуем.

Иванов с Анисимовым вышли. Вскоре первый секретарь вернулся с Татьяной Ефремовой. Сели за стол.

— Ну, как товарищ Ефремова, не передумали? — спросил ее Анисимов.

— Нет, товарищ секретарь. Прошу мою просьбу удовлетворить.

— А если вам будет поручено пойти в тыл к фашистам в разведку, вы пошли бы? — спросил у девушки Васькин.

— Об этом не думала, — неуверенно ответила Татьяна, а потом твердо добавила: — Но если требуется, пойду.

— Как, Павел Афанасьевич, может, уважим ее просьбу? — спросил Анисимов.

Васькин внимательно посмотрел на Татьяну, подумав, ответил:

— Мы постараемся учесть вашу просьбу. Ответ сообщим через день-два...

...Волот. По улицам катят немецкие грузовики, танки. Звучит немецкая речь, слышны звуки губной гармоники, наигрывающей немецкие марши. В здании райисполкома разместились фашистская комендатура. В кабинете коменданта на стене портрет Гитлера. За столом в кресле капитан тайной полиции Гефарт. Перед ним навтыяжку стоит уполномоченный «Лензаготторга» Мановский. По-военному четко докладывает:

— Агент Мановский прибыл по вашему приказу.

Мановский в молодости был офицером царской армии. Люто ненавидя Советскую власть, он считал, что, не будь революции, сделал бы в старой армии блестящую карьеру. В гражданскую войну сражался на стороне белых, а когда его часть была разбита, ушел в «зеленую» банду. Но и она была разгромлена. Тогда через одного из своих дружков познакомился с германским офицером, развезжавшим по России под видом коммерсанта. Так белогвардеец стал немецким шпионом.

(Продолжение следует).

В. ЛУКИН

ПОДПОЛЬЩИКИ

(ОТРЫВКИ ИЗ ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ПОВЕСТИ)

(Продолжение.)

Начало в №№ 98, 100).

— Кого из руководства районом оставили для подпольной работы вам известно? — спросил комендант.

— По-моему, никого, — ответил Мановский, но, увидев недоверчивый взгляд Гепарта, добавил: — Должен был остаться первый секретарь райкома Анисимов с партизанским отрядом, но все они отступили с Красной Армией на восток. Я сам это видел...

— Буду краток. Немецкое командование назначает вас начальником Волотовской управы. Конечно, вы понимаете, что это лишь прикрытне. Главная ваша обязанность — выявлять и уничтожать оставшихся в районе коммунистов, партизан, подпольщиков, комсомольцев, депутатов Советов и лиц, враждебно относящихся к новому режиму. С помощью карательного отряда и местной полиции будете систематически проводить в районе облавы, обыски, прочесывания местности, всех подозрительных — расстреливать.

— Понятно, — поддакнул Мановский.

— На вас также возлагается ответственность за создание гражданского полицейского отряда, подбора в деревнях старост, урядников и тайных агентов. Кого вы можете порекомендовать на должность начальника местной полиции?

— Молоткова.

— Кто он?

— Мой земляк. Отец раскулачен. Советская власть лишила его всего...

— Подходит. Действуйте.

* * *

Окраина деревни Славитино. На грунтовую дорогу, заросшую с боков высокими ивами, вышел Васькин. Он осмотрелся, затем решительно пошел к лесу, но когда поравнялся с кустарником, был остановлен резким окриком:

— Хальт!

Из-за куста к нему подошли два фашистских солдата с автоматами на груди. Один из них на ломаном русском языке спросил:

— Партизанен?

Васькин отрицательно помотал головой и, показывая на Славитино рукой, сказал:

— Я из этой деревни.

Солдат, ошупав его одежду, спросил:

— Куда идешь?

— В соседнее село. А что, вельзя?

— Документы!

Васькин вынул из кармана паспорт и протянул солдату. Гитлеровцы о чем-то между собой переговорили. Один из них зашел за куст, завел мотоцикл с коляской и помчался в Славитино. Вскоре вернулся со старостой деревни Сапожниковым.

— Этого человека знаешь? — спросил солдат у старосты.

— Да. Это счетовод-сельпо Васькин, живет в нашей деревне.

Васькин с Сапожниковым пошли к деревне.

— Куда тебя черт понес? — спросил у Васькина староста.

— Грибков хотел к ужину принести.

— Придется с грибами повременить: сейчас все дороги патрулями перекрыты. Того и гляди пулю схлопочешь.

В деревне Васькин попрощался со старостой. Заметив в поле около леса стадо коров и пастуха, остановился, подумал и направился туда. Подошел к старику, пасшему скот, поздоровался, угостил махоркой. Закурили.

— Фашистов в лесу не видел? — спросил Васькин.

— Нет. А что?

— Да вот хотел в соседнюю деревню сходить, остановили на дороге, приказали вернуться.

— А ты по дороге не ходи, а лесом... Они туда нос не суют.

— Спасибо. Попробую, — поблагодарил Васькин и вошел в лес.

...Солнечный, жаркий августовский день. В стороне от деревни Поглязово виднеется высокое, просторное гумно с соломенной крышей. Ворота его распахнуты настежь. Около них — амбарные весы, в тени на соломе сидят четверо немецких солдат. К гумну подъезжает подвода, груженная мешками с зерном. Возница-крестьянин лет шестидесяти останавливает коня около весов. Два солдата нехотя встают с соломы, ошупывают мешки, затем один из них показывает вознице рукой на весы. Тот молча сгрузил мешки.

Гора зерна в гумне растет, подступает к воротам, а подводы все подъезжают.

Из кустов за всем происходящим у гумна наблюдает Арсентьев, председатель колхоза «Красный путь». Вот он осторожно отступил за кусты и пошел в глубь леса.

Михаил Семенович Арсентьев долго ждал связного от секретаря райкома партии Анисимова, чтоб уйти в лес партизанить, но так и не дождался. Тогда он попытался связаться с партизанами сам, но в лесу их не нашел. На поле же боя он подобрал и спрятал несколько винтовок и гранат. Решил партизанить пока в одиночку. Прочитав расклеенные подпольщиками листовки, которые призывали крестьян, убирая хлеб, сразу же его прятать, а фашистские склады с зерном уничтожать, решил не допустить вывозки хлеба с Поглязовского гумна.

...Ночь. Кругом тишина. Но вот из леса бесшумно вышел человек. Это Арсентьев. В руках у него винтовка. Он огляделся и подошел к гумну. Потрогав увесистый замок на воротах, обошел строение, вынув из кармана коробок со спичками, чиркнул одну и поднес к соломе, лежащей у стены.

— Пусть лучше сгорит, чем достанется господам оккупантам, — с ненавистью проговорил он.

Пламя, пожирая солому, стало расти. Арсентьев побежал к лесу, на опушке оглянулся. Огонь уже охватил стену и стал лизать крышу. В деревне кто-то ударил в пожарный колокол, раздался выстрел, послышались крики, команды на немецком языке. А пламя уже мощно полыхало над всем гумном.

* * *

Васькин застал Немкова дома. Поздоровавшись, сели за стол, закурили.

— Партизаны очень нуждаются в оружии и боеприпасах, — заговорил Павел Афанасьевич, — нам надо им в этом помочь. Какое оружие может передать партизанам ваша группа?

— У нас есть десяток винтовок, несколько автоматов и пистолетов, но среди них много неисправных. Попробуем отремонтировать.

— Насчет оружия я на вашу группу рассчитываю, — проговорил Васькин и спросил: — Как раненные, поправляются?

— Родионова можно уже отправлять к партизанам, а Филькова еще рановато.

— Кем они работали на гражданке?

— Родионов говорит, что он шофер и радиолюбитель, а Фильков — слесарь по ремонту швейных машинок.

— Очень хорошо: оба смогут отремонтировать оружие, так что отправлять их в лес погодим. А как ты думаешь, Родионов сумеет отремонтировать радиоприемник?

(Продолжение следует).

НА СНИМКЕ: Павел Афанасьевич Васькин — уполномоченный Ленинградского обкома партии, организатор и руководитель Волотовского подполья. (Фото 1941 г.).

В ЛУКИН ПОДПОЛЬЩИКИ

ОТРЫВКИ ИЗ ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ПОВЕСТИ

(Продолжение. Начало в №№ 98, 100, 101).

— Не знаю. Надо спросить.

— Вот какое дело, — продолжал Васькин, — Нина Павловна мне как-то говорила, что в школе, в физкабинете лежит неисправный радиоприемник. Его нужно оттуда вынести и наладить. Он нам очень нужен.

— Понимаю. Постараемся его добыть.

— И вот еще что. Как только немецкие солдаты уйдут из деревни, хорошо бы Родионова от Грунтовых под видом родственника переселить к Еремееву. Сейчас новые власти поощряют открытие всякого рода лавочек и мастерских. И если Василию Федоровичу с Родионовым удастся открыть мастерскую по ремонту, ну хотя бы патефонов, примусов и другой хозяйственной утвари, то можно считать, что проблемы с ремонтом оружия у нас больше не будет.

...В дом к Еремеевым постучались. Василий Федорович открыл дверь, увидев Немкова и Родионова, приветливо поздоровался, провел в дом.

— Садитесь, — пригласил к столу хозяин и, обращаясь к Родионову, добавил: — Значит, Федор, решено. Мы с тобой открываем мастерскую. Александр добудет тиски, наковальню и кой-какой инструмент. Я думаю разместить ее в холодной боковой комнате.

— Правильно, — поддержал Немков, — в ней два выхода, один в избу, другой прямо на улицу. Это очень удобно.

Вошла хозяйка. Поставив на стол чашки и чайник, направилась к выходу.

— Подожди, Катя, — остановил ее муж, — у нас будет жить вот этот парень — Федор Родионов. Если кто будет интересоваться, говори, что он мой племянник.

На другой день Немков принес в комнату слесарные тиски, кусок толстого железного листа. Вместе с Еремеевым отпилили от поваленного дерева толстый чурбан и, закатив его в комнату, поставили к окну.

— Ну вот, теперь можно идти и к властям за разрешением открыть мастерскую, — удовлетворенно проговорил Еремеев, оглядывая комнату.

Первое время Родионов ремонтировал во вновь открытой мастерской примусы, керосинки, патефоны и посуду. Но вскоре стали поступать заказы и на изготовление железных печек. Он стал частым гостем у многих жителей села. К нему привыкли и везде встречали как племянника Василия Еремеева.

Однажды вечером, уже в сумерках, в мастерскую вошел с мешком за плечами Немков. Перевернув мешок, он вытряхнул из него на пол два автомата, карабин, два нагана, немецкий пистолет «вальтер» и сказал:

— Все это надо как можно быстрее привести в порядок.

— Постараемся, — ответил Родионов и тут же стал вместе с Еремеевым очищать от грязи и ржавчины принесенное оружие.

...Как только Немков узнал, что фашистские солдаты выехали из здания школы, сразу же стал готовиться к переносу радиоприемника к себе в дом. Мешало одно препятствие. В саду школы все еще стояли несколько крытых автомашин с грузом, а около них днем и ночью ходили часовые. Подумав, Александр решил привлечь к этой операции Мишу Васильева: тот ежедневно ходил к школе за дровами и уже примелькался часовым.

— Хорошо, сделаю, — ответил мальчик и пошagal к школе.

Немков же пошел к школьному саду с противоположной стороны. Только подошел к изгороди, как услышал резкий окрик: «Хальт!».

Остановился. Подождал, когда часовой подошел к нему

НА СНИМКЕ: (слева направо) Нина Павловна Васильева и Татьяна Ефремова — активные подпольщики Должинской группы, награжденные (первая) орденом Отечественной войны I степени и (вторая) орденом Ленина (посмертно).

поближе, заговорил:

— Я — монтер. Господин офицер приказал проверить линию до Морино. Хочу ему доложить...

Александр видел, как Миша за спиной часового юркнул в школьную дверь, вскоре вернулся и стал складывать в мешок поленья дров.

— Ну, что же, раз сегодня нельзя, то доложу завтра, — проговорил Немков и, увидев, что Миша с мешком за плечами вышел на улицу, пошел прочь от часового.

У себя дома Александр застал Мишу, нетерпеливо спросил:

— Принес?

(Продолжение следует).

В ЛУКИН ПОДПОЛЬЩИКИ

ОТРЫВКИ ИЗ ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ПОВЕСТИ!

(Продолжение. Начало в №№ 98, 100, 101, 102).

— А как же, — с гордостью ответил мальчик и вынул из мешка приемник.

...Уже несколько дней колдовал над приемником Родионов. Казалось, все, что надо, припаял, проверил, поставил на свои места, а он все молчал. В мастерскую зашли Василий Федорович Еремеев с женой, следом за ними в дверь проскочили и две их дочери.

— Ну как, все молчит? — спросил Еремеев.

— Молчит окаянный. Все вроде на месте, лампы накаливаются, а он как воды в рот набрал, аж зло берет. — И Федор с раздражением хлопнул рукой по корпусу приемника. В нем что-то пискнуло, а затем раздались четкие и громкие слова диктора: «Говорит Москва! Передаем сводку Совинформбюро»...

Все, находившиеся в мастерской, застыли в изумлении. Лишь Машенька бросилась к двери и скрылась за нею. И вдруг на улице раздался ее тоненький кричащий голосок: «А у нас радио заговорило!.. А у нас радио заговорило!..».

Взрослые в ужасе переглянулись. Екатерина Васильевна выбежала на улицу, схватила дочь под мышку, принесла в дом.

— Где ты радио услышала, Машенька? — испуганно спросил ее отец.

— А сейчас говорило, папочка, разве не оно?

— Это же не радио, — вмешался Родионов, — это патефон заговорил. Я его ремонтирую. Видишь, пружина в нем неисправна, — и он показал ей какую-то попавшую под руку пружину.

— А я думала, это радио, — с разочарованием вымолвила девочка.

— Запомните, доченьки, никакого радио у нас нет и не было. А это патефон. Вот отремонтируем его и все будем слушать, — уже спокойно пояснил Василий Федорович.

С этого дня Родионов почти ежедневно стал принимать и записывать сводки Совинформбюро, передавать их Александру Немкову, а Нина Павловна Васильева, Мария Михайловна Волкова и Татьяна Ефремова тексты размножали от руки и по цепочке передавали из группы в группу.

* * *

...Деревня Соловьево. В огороде крайнего к лесу дома высокий худощавый мужчина лет сорока пяти, держа левой рукой грабли, собирал картофельную ботву в кучки. Правый рукав его старенького в заплатках пиджака болтался пустым.

К изгороди со стороны леса осторожно подошел Васькин и негромко окрикнул.

— Захар Степанович!

— Павел Афанасьевич, в нашей деревне полицейский отряд. Я, как мы с вами и договорились, поставил шест к сараю. Неужели не заметили?

— Конечно, заметил. Поэтому и в деревню не зашел. Ойдемте-ка за баню. Поговорить надо.

Захар Степанович отодвинул в заборе две доски, неуклюже пролез в дыру. Сели на бревно, закурили.

— Чем занимаются полицейские? — спросил Павел Афанасьевич.

— Пьянствуют да грабят. А их начальник вчера на сходке спрашивал, не видел ли кто счетовода Славитинского селы Васькина.

— Да, с этим иудой мне встречаться опасно, — серьезно проговорил Васькин и спросил: — Что вы можете сказать об Иване Аверьянове и Романе Карпукхине из вашей деревни?

— Два друга. Куда один, туда и другой. Аверьянов верховодит. Ему под пятьдесят. Шестеро ребятишек. Умный, волевой, дельный колхозник.

— А можно ли им доверять? Ну, скажем, привлечь к работе по сбору продуктов для партизан?

Степан Захарович затянулся сигаркой, внимательно посмотрел Васькину в лицо и веско, твердо ответил:

— Конечно, можно. Они наши, советские люди. Но предупреждаю, про Аверьянова ходит слух, мол, он когда-то выступал против коллективизации и Советской власти. Это — ложь!

— Значит, в Соловьево создадим подпольную ячейку. С Аверьяновым и Карпукхиным в принципе я договорился...

— А что будет делать ячейка?

— Во-первых, мосты, которые сейчас строит Аверьянов и другие, должны быть уничтожены. И так, чтобы фашисты не напали на след тех, кто это сделает. Во-вторых, нужно организовать сбор и заготовку продуктов для партизан. В-третьих, прощупать молодежь, наиболее патриотически настроенных будем переправлять в партизанские отряды или использовать в деревне для сбора продуктов...

— Понятно. Жаль, я — калека, — с тоской проговорил инвалид и, погладив на ногах протезы, добавил: — Если бы не ноги, и я ушел бы партизанить...

Замысел Васькина по созданию в Соловьево подпольной ячейки вскоре удался.

...Василий Федорович Еремеев, сложив в мешок только что испеченные шесть буханок хлеба, туда же сунул пакет с солью, кусок свиного сала и мешочек с горохом, сказал жене:

— Вот что, Катюша, я сейчас с Сашей Немковым уйду в соседнюю деревню. Возможно, задержусь. А ты после обеда посматривай-ка вон на те кусты, — и он указал на деревца за огородом. — Если выйдешь на крыльцо, а они начнут качаться, отнеси этот мешок за огород и поставь у изгороди с той стороны. Сама же сразу возвращайся домой.

— А я-то думала, что на неделю нам хлеба напекла...

— Ты не огорчайся, — успокоил ее муж, — мы дома. Завтра напечем сколько нам нужно. Я помогу молоть. А партизанам в лесу, сама понимаешь, без еды хуже некуда.

...Вечером, вернувшись домой, Василий Федорович сразу же спросил у жены:

— Отнесла?

— Да. А вот кто унес мешок, так и не заметила. Уже думала, что никто за ним и не приходил. Пошла проверить, а его уже на месте и нет.

— Все правильно. Но подсматривать было ни к чему. Следующий раз не делай этого.

...Ночь. Окраина деревни Горки Ратицкие. В стороне на бугре чернеет скотный двор, превращенный гитлеровцами в ремонтную мастерскую, впритык к нему — длинный сарай. Через кустарник, окружающий эти строения, кто-то в серой одежде, медленно и осторожно ползет к скотному двору. Около последнего куста, метрах в пятнадцати от строения, человек замер, долго вслушивался и всматривался вперед. Тихо кругом, только ветер приглушенно стонет в голых ветвях. Неожиданно около дверей скотного двора раздался окрик на немецком языке. Сразу же последовал ответ.

(Окончание следует).

НА СНИМКЕ: Василий Федорович Еремеев — один из активных подпольщиков Должинской группы. Расстрелян фашистами 3 февраля 1942 года.

В. ЛУКИН

ПОДПОЛЬЩИКИ

ОТРЫВКИ ИЗ ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ПОВЕСТИ

(Окончание. Начало в №№ 98, 100, 101, 102, 103).

Человек в кустах, а это был председатель колхоза «Красный путь» Арсентьев, прижался к земле. На фоне неба он разглядел силуэт трех фашистских солдат. Они встретились около двора, негромко между собой заговорили. Вот вспыхнула спичка, и Арсентьев на мгновение увидел лицо прикуривающего папиросу. Вскоре двое ушли в деревню, а оставшийся солдат стал медленно прохаживаться перед дверью, затем прислонился к ней спиной и замер. Понаблюдав еще, Арсентьев пополз через кусты вокруг строений к задней стенке. Здесь, найдя дыру, пролез через нее в сарай. Внутри было темно и тихо. Он чиркнул зажигалкой. Неяркий огонек скупо осветил стоявшие в ряд груженные чем-то автомашины, железную кадку с какой-то жидкостью. Арсентьев сунул в нее пальцы.

Пахло соляжкой. Взяв ворох тряпок, лежавших около кадки, сунул их в жидкость, загасил зажигалку и осторожно стал опрокидывать кадку на бок. Соляжка, тихо журча, потекла под машины. Вынув из кармана флягу с керосином, Арсентьев обрызгал им стену и автомашину. Затем, нащупав мокрые тряпки, поволок их к дыре в стене. Вылез наружу, сунул руку с зажигалкой в дыру. Отбежав метров сто, остановился. Вдруг в том месте, где стоял сарай, на миг мелькнул оранжевый язык пламени и исчез. Через несколько секунд пламя вырвалось из сарая наружу и запылавало над крышей. Около скотного двора прозвучали один за другим несколько выстрелов. Послышались возбужденные крики на немецком языке. Арсентьев еще раз оглянулся и бросился бежать через кустарник все дальше и дальше от полыхающего пожара...

* * *

...К дому Василия Еремеева подъехали розвальни. С них слез высокий сутуловатый мужчина лет сорока. Это был Осип Багов — подпольщик из деревни Сельцо. Вышел хозяин дома. Багов, поздоровавшись, сказал:

— Слышал, что хочешь купить лошадь. Могу помочь.

Это был пароль. Василий Федорович, посмотрев в лицо Багову, улыбнулся и ответил условной фразой: «Да, хочу обзавестись настоящим конем, а то у меня ни то, и ни се».

— С чем пожаловал, Осип Васильевич?

— Привез три мешка гороху. Велено оставить у тебя. Куда сгрузить?

— Заезжай во двор, скинем в сарай.

Прикрыв в сарае мешки сеном, Еремеев предложил:

— Заходи в дом, перекусим.

— Некогда. В Дно на рынок тороплюсь.

Осип Багов торопился на рынок по заданию Васькина. Ему было поручено не только купить махорки и соли для партизан, но и собрать сведения о фашистских воинских частях, их складах и аэродромах в Дновском районе. Такое задание он получал от Павла Афанасьевича уже не первый раз и всегда своевременно и точно их выполнял. Встретился же в тот день с Еремеевым как подпольщик с подпольщиком впервые и был очень доволен, что такой уважаемый им человек, как Еремеев, тоже член их подпольной организации.

У Василия Еремеева в сарае, помимо привезенного Баговым гороха, были спрятаны несколько мешков муки, доставленных Александром Немковым и Федором Родионовым из Большегривской мельницы. Как горох, так и мука были конфискованы подпольщиками у предателей Родины.

На другой день, рано утром, воспользовавшись тем, что фашистских солдат в деревне не было, а староста и урядник уехали в Волот, Василий Федорович погрузил на сани продукты, сверху прикрыл сеном и вместе со старшей сестрой Немкова — Анной Ивановной, отвез все в лес партизанам. Обратное в деревню вернулись с возом березовых дров.

* * *

Прошло более недели. Среди неотложных дел Васькин не забывал о готовящейся диверсии на железной дороге, с нетерпением ждал связного. И когда он появился, торопливо развернул донесение и стал читать:

«...Настоящим ставлю в известность, что... на станции Волот находятся постоянно 70—80 человек, имеется 10 пулеметов, зенитных батарей нет. На разъезде Мяково охрана постоянно 15—20 человек, зенитных батарей не имеется. От Волота до разъезда Мяково железная дорога охраняется очень слабо».

Немцы в деревнях раздевают население... снимают валенки, полушубки и тулупы, отчего растет недовольство среди населения... Кроме того, был случай в деревне Рно Волотовского района четверо немцев изнасиловали девушку. У людей, которые преданы Советской власти, иногда создается недовольство тем, что прилетают наши самолеты и бомбят с громадной высоты, в частности, разъезд Мяково, где можно спуститься ниже и бомбить без промаха и без ущерба для самолета.

Но есть случай, когда население восхищается действиями наших летчиков, в особенности ночью при свете спускающихся на парашюте (осветительных) ракет. Этот случай был в декабре в городе Дно, когда наш советский самолет, при свете ракет бомбил без промаха, после чего трое суток возили немцев. Так удачно была пущена бомба в бывший магазин «Спайка», в котором жили немцы.

...В деревнях Березовка, Вояжа, Дерглец, Пуково, Б. Гривы, Базино, Средняя, Кр. Путиловец (Колжово) немцев нет.

Доклад тов. Сталина распространен по деревням Дерглец, Ручьи, Пуково, Базино, Средняя, Н. Петрово, Б. Гривы, Должино, Соловьево Волотовского района и в деревнях Волны, Берестище, Глухо-Горюшка, Крутец, Юково — Дновского района. В деревне Должино доклад тов. Сталина проработали около половины населения деревни... После проработки которого поднялся дух у населения, т. е. воскресла надежда на победу над германцами.

«Ива».

Прочитав донесение, Васькин спросил:

— Иванов что-нибудь еще велел передать?

— Да, он просил сказать следующее: «От Волота до разъезда Мяково охрана очень слабая. Здесь наилучшее место... К операции все готово. Просим разрешения».

Васькин твердо сказал связному:

— Передай Иванову: операцию «Взрыв» разрешаю.

...Василий Федорович Еремеев в этот день занимался во дворе по хозяйству. Вдруг он увидел бегущую к нему, испуганную жену.

— Вася! — торопливо заговорила она, — немцы арестовали Нину Павловну с Мишей, Таню Ефремову, к нашему дому идут...

Еремеев вздрогнул, взглянул на улицу. На дороге увидел несколько саней с людьми, а на тропке шагающих к его дому карателей. Он быстро поднялся на крыльцо, с силой захлопнул дверь и запер ее изнутри на засов. Поднялся на сеновал, выхватил из тайника, сделанного в соломенной крыше, карабин.

— Еремеев! — раздался окрик полиция, сопровождавшего карателей, — не дури! Окажешь сопротивление, господа немцы сожгут дом, да и семьи не пощадят. Выходи!

Представив, как фашисты расправляются с его семьей, Василий Федорович заколебался. Медленно опустили руки с карабином. В голове билась тревожная мысль: «Как быть? Как спасти жену и детей?».

Нехотя сунул карабин обратно в тайник. Открыл дверь. Вышел на крыльцо.

Когда Еремеев подошел на улице к саням, вдруг почувствовал в своей ладони чью-то маленькую теплую ручку. Обернулся и замер. Любимица-дочь Тамара прижималась к его боку и испуганно заглядывала в лицо. Василий Федорович приподнял ее от земли, поцеловал и тихо проговорил:

— Беги, доченька, домой. Скажи, что я велел всем вам слушаться маму...

Один из карателей подтолкнул его на сани. Кони рванулись вперед, увозя арестованных.